

1001 ночь.

Повесть о Харунс ар-Рашиде и невольнице

Рассказывают также, что халиф, повелитель правоверных Харун ар-Рашид, испытывал в какую-то ночь сильное беспокойство и впал в великое раздумье. И он поднялся с ложа и стал ходить по своему дворцу, и дошел до одной комнаты с занавеской и поднял эту занавеску и увидел на возвышении ложе, а на ложе что-то черное, похожее на спящего человека, и справа от него была свеча и слева свеча. И халиф смотрел на это и удивлялся. И вдруг увидел он бутылъ, наполненную старым ликом, и чашу рядом с ней, и когда повелитель правоверных увидел это, он изумился и сказал про себя: "Бывает разве такое убранство у подобных этому черному?" И затем он приблизился к ложу и увидел на нем спящую женщину, которая закрылась своими волосами. И халиф открыл ее лицо и увидел, что она точно луна в ночь ее полноты. И тогда халиф наполнил чашу вином и выпил его За розы щек женщины, и душа его склонилась к ней, и он поцеловал пятнышко, бывшее у нее на лице. И женщина пробудилась от сна и сказала: "Друг Аллаха, что случилось здесь, скажи?" И халиф ответил: "Это гость стучится, в стая к вам пришедший, чтобы до зари вы приняли его". И девушка молвила: "Хорошо, и зренье мое и слух – твои!" А затем она подала вино, и они выпили вместе, и девушка взяла лютню и настроила ее и прошлась по струнам на двадцать один лад, и, вернувшись к первому ладу, затянула напев и произнесла такие стихи:

"Любви говорит язык в душе моей за тебя,

И всем сообщает он, что я влюблена в тебя.

Свидетель у меня есть, недуг изъясняет мой,

И раненая душа трепещет, покинув нас.

Любви не скрываю я, меня изнуряющее,

И страсть моя все сильней, и слезы мои бегут.

А прежде, чем полюбить тебя, любви я не ведала,

Но быстро Аллаха суд созданья его найдет".

А окончив это стихотворение, девушка сказала: "Я обижена, о повелитель правоверных..."

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Триста тридцать девятая ночь

Когда же настала триста тридцать девятая ночь, она сказала: "Дошло до меня, о счастливый царь, что девушка сказала: "Я обижена, о повелитель правоверных!" И халиф спросил: "А почему, и кто тебя обидел?" И девушка ответила: "Твой сын уже давно купил меня за десять тысяч динаров и хотел подарить меня тебе, но дочь твоего дяди послала ему упомянутые деньги и велела ему запереть меня от тебя в этой комнате". – "Пожелай от меня чего-нибудь", – сказал халиф. И невольница ответила: "Я желаю, чтобы ты был у меня завтра вечером". – "Если захочет Аллах", – молвил халиф и оставил ее и ушел. А когда наступило утро, он отправился в свою приемную залу и послал за Абу-Новасом [375], но не нашел его, и тогда он послал одного царедворца спросить о нем. И царедворец увидел, что он задержан в винной лавке в обеспечение за тысячу дирхемов, которые он истратил на кого-то из безбородых. И царедворец спросил Абу-Новаса, что с ним, и тот рассказал ему свою историю и поведал о том, что произошло у него с безбородым красавцем, на которого он истратил эту тысячу дирхемов. "Покажи мне его, – сказал царедворец, – и если он этого заслуживает, то ты прощен". – "Подожди, и ты сейчас его увидишь", – отвечал Абу-Новас. И в то время как они разговаривали, этот безбородый вдруг явился и вошел к ним. И на нем была белая одежда, а под ней красная одежда, а под ней черная одежда, и, когда Абу-Новас увидел его, он стал испускать вздохи и произнес такие стихи:

"Явился он ко мне в рубашке белой,

Его зрачки и веки были томны.

И я сказал: "Вошел ты без привета,

А я одним приветом был доволен,

Благословен одевший тебе щеки

Румянцем – все творит он, что желает!"

Он молвил: "Споры брось ты, – ведь господь мой

Творит невиданное бесконечно.

Моя одежда, как мой лик и счастье:

То бело, и то бело, и то бело".

И когда безбородый услышал эти стихи, он снял белую одежду с красной, и, увидав ее, Абу-Новас выказал большое удивление и сказал такие стихи:

"Явился мне в рубашке он из мака

Мой враг, хотя зовется он любимым.

Сказал я в удивлении: "Ты месяц,

И к нам пришел ты в дивном облаченье.

Румянец ли щеки тебя одел так,

Иль красил ты одежду кровью сердца?"

Сказал он: "Солнце кие дало рубашку,

Когда заря заката была близко,

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

Моя одежда, как вино и щеки:

То мак под маком, что покрыт был маком".

А когда Абу–Новас окончил свое стихотворение, безбородый снял красную одежду и остался в черной одежде, и, увидев это, Абу–Новас стал бросать на него частые взгляды и произнес такие стихи:

"Явился он ко мне в рубашке черной,

И пред рабами он предстал во мраке.

И молвил я: "Вошел ты без привета,

И радуется враг мой и завистник.

Твоя рубашка, кудри и удел мой

То черно, и то черно, и то черно".

И когда царедворец увидел это, он понял, каково состояние Абу–Новаса и его страсть, и, вернувшись к халифу, рассказал ему об этих обстоятельствах. И халиф велел принести тысячу дирхемов и приказал царедворцу взять их и, вернувшись к Абу–Новасу, отдать за него деньги и освободить его от залога. И царедворец вернулся к АбуНовасу и освободил его и отправился с ним к халифу, и, когда Абу–Новас встал перед ним, халиф сказал ему:

"Скажи мне стихи, где будет: друг Аллаха, что случилось здесь, скажи?" – "Слушаю и повинуюсь, о повелитель правоверных, – ответил Абу–Новас..."

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Триста сороковая ночь

Когда же настала ночь, дополняющая до трехсот сорока, она сказала: "Дошло до меня, о счастливый царь, что Абу–Новас сказал: "Слушаю и повинуюсь, о повелитель правоверных!" И затем произнес такие стихи:

"Ночь продлилась, от заботы я не спал,

Похудел я, размышляя без конца.

Я поднялся и ходил то у себя,

То блуждая в помещениях дворца.

И увидел что–то черное я вдруг

Это белая под прядями волос.

Месяц полный, что сияет и блеснит,

Иль ветвь ивы, что прикрылась от стыда.

Выпил чашу я вина одним глотком,

А затем я пятнышко поцеловал.

И проснулась тут в смущении она,

И склонилась, точно ветка под дождем.

А затем, поднявшись, молвила она:

"Друг Аллаха, что случилось здесь, скажи?"

Я ответил ей: "То гость, пришедший в стан,

Думает найти приют здесь до зари".

И ответила в восторге: "Господин,

Гостя зрением и слухом я почту!"

И халиф сказал ему: "Убей тебя Аллах, ты как будто присутствовал при этом вместе с нами!"

И потом халиф взял его за руку и отправился с ним к невольнице, и, когда Абу–Новас увядал ее (а на ней было голубое платье и голубой плащ), он пришел в великое удивление и произнес такие стихи:

"Скажи прекрасной в голубом плаще ее:

"Аллаха ради, дух мой, мягче будь!

Поистине, когда с влюбленным друг суров,

Вздываются в нем вздохи от волнения.

Ради прелести, что украшена белизной твоей,

Пожалей ты сердце влюбленного сгоревшее!

Над ним ты сжался, помоги ему в любви,

Речей глупца о нем совсем не слушай ты".

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

И когда Абу–Новас окончил свое стихотворение, невольница подала халифу вино, а затем она взяла в руки лютню и, затянув напев, произнесла такие стихи:

"Ты будешь ли справедлив к другим, коль жесток со мной

В любви отдаешься, другим наслаждение дав.

Найдись для влюбившихся судья, я бы жалобу

Ему принесла на вас – быть может, рассудит он.

И если мешаете пройти мне у ваших врат,

Тогда я привет вам свой пошлю хотя издали".

Потом повелитель правоверных велел давать Абу–Новасу много вина, пока прямой путь не исчез для него. И затем он дал ему кубок, и Абу–Новас отпил из него глоток и продолжал держать его в руке. И халиф приказал невольнице взять кубок из рук Абу–Новаса и спрятать его между ног, а халиф обнажил меч и, взяв его в руку, встал над Абу–Новасом и ткнул его мечом. И Абу–Новас очнулся и увидел обнаженный меч в руке халифа, и опьянение улетело у него из головы. "Скажи мне стихи и Расскажи в них о твоём кубке, а иначе я отрублю тебе голову!" – сказал халиф, и Абу–Новас произнес такие стихи:

"Моя повесть всех ужасней

Стала вдруг газель воровкой

Кубок мой с вином украла

В нем я лучший пил напиток

И укрыла в одном месте

Я в душе о нем страдаю.

Стыд назвать его мешает,

Но халифу есть в нем доля"

И повелитель правоверных сказал ему: "Убей тебя Аллах, откуда ты узнал это? Но мы приняли то, что ты сказал".

И он велел дать ему почетную одежду и тысячу динаров, а Абу–Новас ушел радостный.